

В ритмах мефисто 9

Дмитрий Бертман представил в Таллине оперу "Фауст"

24.09.2012 "Российская газета" - Федеральный выпуск №5892 (219)

Текст: Ирина Муравьева

Дмитрий Бертман представил в Таллине оперу "Фауст"

Радикальную трактовку лирической оперы "Фауст", созданной Гуно по мотивам трагедии Гете, представил на сцене Национальной оперы "Эстония" российский режиссер, хударк Московского театра "Геликон-опера" Дмитрий Бертман.

Музыкальным руководителем постановки выступил главный дирижер театра Велло Пяхн, художник - Энне-Лиз Семпер, хореограф - Эдвальд Смирнов.

Премьеру "Фауста" в Таллине ждали: во-первых, популярнейшая в мировом репертуаре опера не ставилась здесь почти 60 лет. Во-вторых, город полнился слухами: Дмитрий Бертман, которого здесь хорошо знают (это его четвертая продукция на сцене Национальной оперы) и от которого всегда ждут нестандартных решений, выведет в своем "Фаусте" панк-группу в духе Pussy Riot, Мефистофеля в образе священника, night-шоу в церковном антураже и так далее. В итоге билеты полностью раскупили не только на премьеру, но и на всю серию вперед. Сам Бертман о замысле не

распространялся, заметив только, что все мы живем в эпоху морального кризиса, обесценивания подлинных человеческих ценностей, и это гораздо страшнее глобального экономического кризиса. "Фауст" сегодня актуален, как никогда.

Между тем в опере Гуно канонический средневековый сюжет об ученом старце, продавшем душу дьяволу за молодость и плотские утехы, представлен в лирическом формате любви-предательства Фауста к Маргарите. Опера полна любовных арий, дуэтов, сбалансированных в партитуре с кругом мефистофельских тем и хоралов. Бертман раздвинул в спектакле лирические границы партитуры, с одной стороны, встроив "Фауста" в актуальный социальный контекст, с другой - вернув его к исходной фаустовской теме - испытанию человека на его моральное "я", а шире - отражению духовного состояния общества, того этического предела, за которым уже не может выжить культура и цивилизация. Надо заметить, что и дирижер Велло Пяхн не ограничился мелодическими рельефами оперы, где почти каждая ария - шлягер, но ушел в глубину партитуры, отсылая в своей интерпретации и к жанру пассиона, и к

Дмитрий Бертман представил в Таллине оперу "Фауст"

Радикальную трактовку лирической оперы "Фауст", созданной Гуно по мотивам трагедии Гете, представил на сцене Национальной оперы "Эстония" российский режиссер, худрук Московского театра "Геликон-опера" Дмитрий Бертман.

Музыкальным руководителем постановки выступил главный дирижер театра Велло Пяхн, художник - Энне-Лиз Семпер, хореограф - Эдвальд Смирнов.

Премьеру "Фауста" в Таллине ждали: во-первых, популярнейшая в мировом репертуаре опера не ставилась здесь почти 60 лет. Во-вторых, город полнился слухами: Дмитрий Бертман, которого здесь хорошо знают (это его четвертая продукция на сцене Национальной оперы) и от которого всегда ждут нестандартных решений, выведет в своем "Фаусте" панк-группу в духе Pussy Riot, Мефистофеля в образе священника, night-шоу в церковном антураже и так далее. В итоге билеты полностью раскупили не только на премьеру, но и на всю серию вперед. Сам Бертман о замысле не

распространялся, заметив только, что все мы живем в эпоху морального кризиса, обесценивания подлинных человеческих ценностей, и это гораздо страшнее глобального экономического кризиса. "Фауст" сегодня актуален, как никогда.

Между тем в опере Гуно канонический средневековый сюжет об ученом старце, продавшем душу дьяволу за молодость и плотские утехы, представлен в лирическом формате любви-предательства Фауста к Маргарите. Опера полна любовных арий, дуэтов, сбалансированных в партитуре с кругом мефистофельских тем и хоралов. Бертман раздвинул в спектакле лирические границы партитуры, с одной стороны, построив "Фауста" в актуальный социальный контекст, с другой - вернув его к исходной фаустовской теме - испытанию человека на его моральное "я", а шире - отражению духовного состояния общества, того этического предела, за которым уже не может выжить культура и цивилизация. Надо заметить, что и дирижер Велло Пяхн не ограничился мелодическими рельефами оперы, где почти каждая ария - шлягер, но ушел в глубину партитуры, отсылая в своей интерпретации и к жанру пассиона, и к вагнеровской экспрессии, и к вердиевскому хоровому монументализму.

Несмотря на остро актуальные акценты спектакля, Дмитрий Бертман прочитал "Фауста" с жесткой этической интонацией, близкой средневековой картине мира с ее четким разграничением категорий - добра и зла, тьмы и света, святости и греха. Отсюда два полюса в спектакле - церковь и пошлое "кабаре". Фундаментальный образ спектакля - церковные стены с мощными колоннами, уводящие в бесконечную высоту - в небо, светящийся холодным солнцем витраж над входом в храм, тусклое красное мерцание, сопровождающее темную человеческую "литургию". Здесь все полно значений, которые считываются постепенно, подобно тому, как слой за слоем открываются духовные смыслы готического храма. Но оппозиция выстраивается здесь не по средневековому кругу, вращающему святых и монстров, а в жестком опрокидывании сакрального в пошлое, "кабаретное". То, что и происходит в реальной повседневности: из толпы прихожан выскакивают девицы, сбрасывающие балахоны перед алтарем. В их вакхический танец включаются мужчины с заячьими ушами, в чулках и блескучих стрингах. Знаменитый вальс Гуно трансформируется в спектакле в Мефисто-танец с порнографической экспрессией. "Сатана там правит бал" - поет, распахивая настежь церковные двери, Мефистофель (Прийт Вольмер).

"Фауста" с жесткой этической интонацией, близкой средневековой картине мира с ее четким разграничением категорий - добра и зла, тьмы и света, святости и греха. Отсюда два полюса в спектакле - церковь и пошлое "кабаре". Фундаментальный образ спектакля - церковные стены с мощными колоннами, уводящие в бесконечную высоту - в небо, светящийся холодным солнцем витраж над входом в храм, тусклое красное мерцание, сопровождающее темную человеческую "литургию". Здесь все полно значений, которые считываются постепенно, подобно тому, как слой за слоем открываются духовные смыслы готического храма. Но оппозиция выстраивается здесь не по средневековому кругу, вращающему святых и монстров, а в жестком опрокидывании сакрального в пошлое, "кабареточное". То, что и происходит в реальной повседневности: из толпы прихожан выскакивают девицы, сбрасывающие балахоны перед алтарем. В их вакхический танец включаются мужчины с заячьими ушами, в чулках и блескучих стрингах. Знаменитый вальс Гуно трансформируется в спектакле в Мефисто-танец с порнографической экспрессией. "Сатана там правит бал" - поет, распахивая настежь церковные двери, Мефистофель (Прийт Вольмер).

Сатана здесь шокирующе красив: двухметрового роста, с черными локонами до пояса, в галифе и высоких сапогах. Он же, неузнанный, служит мессу для прихожан. Он же единственный утешает сошедшую с ума Маргариту. Это диагноз современного человечества, глум, ложь, моральный распад которого оказывается страшнее демонизма Мефистофеля, которому не чужды хотя бы какие-то принципы.

"Вальпургиева ночь" купирована в спектакле - за ненадобностью. Трансформированы и некоторые персонажи: Зибель (Хелен Локута) - не сентиментальный влюбленный в Маргариту юноша, а лицедей, пародирующий в куплетах типаж "звезды" и скрывающий под слоем клоунского грима судьбу несчастной девушки. Валентин, брат Маргариты (Рауно Эльп) - солдат, алкоголик, социальный фрик с выбитой крестом наколкой на груди, единственный, вступающий в противоборство с Мефистофелем. Наконец Маргарита (Анне Вик Ларсен) - абсолютно ангелический образ, решенный в спектакле в идеалистических тонах: как олицетворение вселенской любви, которой оказывается недостойн Фауст (Люк Робер). В луче вечности, пробивающемся сквозь церковные стены, плывет, словно во сне, влюбленная Маргарита к своему греху, к цинику Фаусту, к убитому неродившемуся младенцу, к кошмару, когда душу ее

раздирает голос Мефистофеля. Но даже эта единственная лирическая линия в спектакле не оставляет воздуха для прекрасноты: Маргарита ничего не может изменить в этом мире. Она может только спастись. Потому что единственная в этом мире способна любить. Но морального катарсиса от этого не наступает. Финал спектакля безнадежный. Мир лежит во власти лжи. И Мефистофель покидает его, уходя в хлынувший в церковные ворота поток света вечности. Ему здесь нечего делать. И это предел, к которому подошла душа человека.

Надо заметить, что этот жесткий, прямолинейный тон спектакля, исключаящую всякую моральную демагогию, подействовал на эстонскую публику безотказно. Зал мгновенно считывает все смыслы, пропуская через себя и шок, и восторг, и сострадание. А оркестр, хор, солисты эстонской оперы работают в этом спектакле как единый живой организм. Досадно одно: работы такого масштаба для Дмитрия Бертмана совершенно невозможны в Москве, где он имеет созданную им труппу и театр "Геликон-опера". Нереальный в культурном смысле факт, но в российской столице уже многие годы не могут построить обещанную сцену для "Геликона". И это тоже, по сути, ситуация из разряда "мефисто".

Кстати

Присутствовавший на премьере "Фауста" режиссер Арне Микк заметил: в спектаклях Дмитрия Бертмана всегда есть не просто находки, а присутствует дух театрального открытия. Это напоминает ощущение, которое мы испытывали когда-то на первых спектаклях Камерного театра Бориса Покровского. Сегодня часто классические сюжеты затягиваются в современность, но Бертман всегда создает современный спектакль, "ноги" которого стоят на классической почве. И что самое ценное: он никогда ничего не натягивает, потому что он глубокий музыкант.